

УСЛОВИЯ СНИЖЕНИЯ МОНЕТАРНОЙ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Шабанов В.Л., д.соцол.н., ИАГП РАН

В статье проанализирована концепция абсолютной бедности и особенности ее применения Росстатом после 2013 г. Показаны преимущества концепции относительной бедности, связанные с простотой методической реализации и наглядностью. Установлены различия в интерпретации абсолютной и относительной бедности, обуславливающие их неодинаковую погодную динамику.

Сопоставление структуры доходов и социально-демографической структуры «малообеспеченного» и «высокообеспеченного» сельского населения выявило уязвимость перед бедностью семей большого размера, детей, работающего населения по сравнению с пенсионерами. Установлено, что предпринимательская активность играет менее значительную роль в преодолении сельской бедности, чем высокооплачиваемая занятость по найму, что является негативным социально-экономическим фактором.

Ключевые слова: абсолютная и относительная бедность, порог бедности, домохозяйство, потребительская корзина, прожиточный минимум, социально-демографическая структура бедности, малообеспеченное и высокообеспеченное сельское население

CONDITIONS FOR REDUCING MONETARY POVERTY OF RURAL POPULATION IN RUSSIA

Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, IAgP RAS

The article analyzes the concept of absolute poverty and the specifics of its application by Rosstat after 2013. The advantages of the concept of relative poverty associated with the simplicity of methodological implementation and visibility are shown. Differences in the interpretation of absolute and relative poverty which determine their unequal weather dynamics are established.

A comparison of the income structure and the socio-demographic structure of the “low-income” and “high-income” rural populations revealed vulnerability to poverty of large families, children, working people compared to pensioners. It has been established that entrepreneurial activity plays a less significant role in overcoming rural poverty than highly paid employment, which is a negative socio-economic factor.

Keywords: absolute and relative poverty, poverty threshold, households, consumer basket, minimum subsistence level, socio-demographic structure of poverty, low-income and high-income rural population

Введение.

Бедность характеризуется отсутствием доступа к совокупности материальных и духовных благ, имеющихся в данном обществе в данное время. Отсутствие доступа, понимаемое через недостаток средств, необходимых для обеспечения потребностей в благах, может быть формализовано в рамках монетарных концепций абсолютной или относительной бедности. Абсолютная бедность определяется через сравнение уровня материальных ресурсов домохозяйства или индивида с некоторым пороговым уровнем, определяющим их физическое и социальное выживание [1]. Относительная бедность, как и абсолютная, представляет собой некоторый порог доходов, который, однако, определяется на основе других принципов. Чаще всего он устанавливается в размере определенной доли от средних доходов по стране [2].

Обе концепции представляют качественно различающиеся подходы к пониманию бедности. Абсолютная бедность характеризуется невозможностью приобретения совокупности благ, признанных необходимыми для поддержания минимально достаточных физических и социальных стандартов жизни. В определении относительной бедности отсутствуют какие-

либо прямые оценки невозможности покупки тех или иных благ, и она отражает положение индивида в объективно складывающемся распределении индивидов по шкале доходов.

Цель исследования – анализ особенностей применения концепции абсолютной бедности Росстатом после 2013 г., сопоставление показателей абсолютной и относительной бедности в подовой динамике, анализ социально-демографической структуры и структуры доходов сельского населения, отнесенного к категориям «относительно бедных» и «относительно богатых».

Методы исследования.

В ходе исследования применялся статистический анализ микроданных из «Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах Росстата по итогам 2018 г.» [3].

Результаты исследования.

Принятая в Росстате концепция бедности – абсолютная, через сравнение с установленным порогом выживания – исходит из того, что бедность характеризуется отсутствием доступа к набору товаров и услуг, составляющих потребительскую корзину. Ее стоимость определяет величину прожиточного минимума (ПМ), которая постулируется в качестве черты или уровня бедности – порога, отделяющего бедные домохозяйства и индивиды от небедных.

Значительным недостатком абсолютной концепции бедности является необходимость учета большого числа показателей, характеризующих потребление, и периодического пересмотра состава и структуры потребительской корзины, исходя из меняющихся с течением времени медицинских и социально-экономических норм потребления. Относительная и субъективная концепции бедности имеют важное методическое преимущество перед абсолютной концепцией, состоящее в том, что их методики исчисления могут оставаться неизменными в течение длительного времени.

Методика, принятая Росстатом, оставалась неизменной в течение 2005-2012 гг. В 2013 г. была принята новая методика, отраженная в Федеральном Законе «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» (№ 227-ФЗ от 3 декабря 2012 г.). В принятой методике был произведен переход от нормативного к нормативно-статистическому способу расчета ПМ: в составе потребительской корзины стали учитываться только продукты питания, чей удельный вес в стоимости потребительской корзины был установлен в размере 50%. Остальные 50% распределялись поровну между непродовольственными товарами и услугами. Если раньше потребительская корзина определялась через полный список продовольственных и непродовольственных товаров и услуг, признанных минимально необходимыми, то с 2013 г. – фактически через соотношения между их стоимостями. Прожиточный минимум или уровень бедности в настоящее время характеризуется близкой к 50% долей продовольственных расходов в общих расходах на потребление (включающих обязательные платежи и сборы) и соотношением 2/1 между продовольственными расходами и расходами на непродовольственные товары или услуги. Завышенный удельный вес продовольственных расходов действительно характерен для малообеспеченных категорий населения: при любом уровне доходов первоочередные расходы всегда связаны с покупкой продуктов питания, которые составляют тем больший удельный вес в структуре общих расходов, чем беднее домохозяйства и индивиды. Порог в 50% был установлен Росстатом в 2013 г., исходя из фактически сложившегося положения в наименее обеспеченных группах в то время. Так, в 2013 г. в структуре расходов на конечное потребление у 20% домохозяйств с наименьшим уровнем благосостояния доля расходов на питание достигала 45-48%, доли расходов на непродовольственные товары и услуги различались несущественно и составляли 23-28%. То есть соотношения, принятые в новых правилах формирования потребительской корзины и исчисления ПМ, действительно соответствовали структуре расходов беднейших слоев населения [4 (2014), с.160].

Одновременно с изменением методики исчисления прожиточного минимума был скорректирован и состав потребительской корзины: при неизменном видовом составе продоволь-

ствия в потребительской корзине изменилась его весовая структура в пользу более дорогих продуктов (мяса, овощей, фруктов, молока), отражая произошедшие структурные изменения в потреблении. Без такой корректировки величина ПМ, рассчитанная по новой методике в 2013 г., оказалась бы на 20% ниже, чем величина ПМ за 2012 г. Изменение весовой структуры продовольствия в составе потребительской корзины привело к росту величины ПМ на 12%, что было более ожидаемо [2]. Таким образом, с 2013 г. стоимость потребительской корзины целиком определяется ценами на продукты питания. В период 2013-2015 гг. они в целом росли быстрее, чем цены на непродовольственные товары и услуги, что привело к скачку стоимости потребительской корзины и величины ПМ, который составлял 10,2-20,5% в 2013-2015 гг. (против 2,2% в 2012 г.). Темп роста номинальных зарплат и пенсий в этот период снизился, и обе противонаправленные тенденции определили общее снижение уровня жизни и рост бедности. В 2016-2017 гг., напротив, темп роста цен на продовольствие стал ниже, чем на непродовольственные товары и услуги, и величина ПМ увеличилась не так сильно – на 1,3-2,6%. Как результат – численность бедных и их удельный вес в общей численности населения, рассчитанные по абсолютной методике, несколько снизились – с 19,5 до 19,3 млн. чел. и с 13,3% до 13,2% [4 (2016), с. 137; 4 (2018), с.142].

С 2017 г. в качестве показателя доходов используется простой (невзвешенный) среднедушевой денежный доход (ранее – располагаемые ресурсы, включающие, кроме денежного, еще и натуральный доход – оцененные в стоимостной форме натуральные поступления в домохозяйство).

Основные мотивы всех методических изменений – уточнение и корректировка статистического наблюдения и стремление наилучшим образом отразить меняющуюся экономическую реальность. Изменения методики требуют сложного обоснования меняющегося состава потребительской корзины, но учет большого числа позиций в составе потребительской корзины ведет к высокой погрешности данных из-за необходимости их стоимостных оценок. Негативным следствием изменений, независимо оттого, насколько они были обоснованы и востребованы, является несопоставимость данных за разные годы.

Методика относительной бедности не требует учета изменений, происходящих в социально-экономической сфере, так как в ее основе лежит статистический анализ распределения одного показателя – среднедушевых доходов. Уровень относительной бедности определяется через долю населения, имеющего среднедушевые располагаемые денежные доходы ниже 0,5 медианного значения (0,5Me). В таблице 1 представлена динамика показателей абсолютной и относительной бедности, и индекса потребительских цен (инфляции).

Таблица 1 – Некоторые показатели абсолютной и относительной бедности и индекса потребительских цен

	Уровень относительной бедности, %	Уровень абсолютной бедности, %	Порог относительной бедности (0,5Me), руб. на чел.	Динамика порога относительной бедности (в текущем году), %	Динамика индекса потребительских цен (в текущем году), %
2014	16,97	11,2	8093	5,9	11,4
2015	16,78	13,3	8570	7,0	12,9
2016	16,68	13,3	9166	2,9	5,4
2017	16,28	13,2	9432	2,3	2,5
2018	15,63	12,9	9652	н.д.	4,3

Рассчитано по: [4 (2016), с. 137; 4 (2018), с.142; 5, с. 115, 482]

Рассматриваемый период 2014-2018 гг. характеризуется последовательным снижением уровня относительной бедности – с 17% до 15,6% от численности населения. Это достигалось тем, что величина порога относительной бедности в рассматриваемый период росла, но достаточно медленно, и доля населения с доходами ниже этого порога уменьшалась. С другой стороны, инфляционный рост поглощал рост номинальных доходов, то есть фактические доходы уменьшались, и уровень жизни снижался. Таким образом, снижение уровня жизни происходило одновременно со снижением уровня относительной бедности.

В 2014 и 2015 гг. потребительские цены на продовольственные товары росли быстрее, чем на непродовольственные товары и услуги [5, с.482], поэтому и стоимость потребительской корзины росла быстрее. Это обусловило соответствующие изменения в структуру расходов домохозяйств и стало дополнительным – усиливающим – фактором абсолютной бедности. Отметим, что ситуация, когда отдельные категории расходов (и доходов) начинают расти или снижаться быстрее, достаточно типична [6]. Итак, недостаточно быстрый по сравнению с инфляцией рост номинальных доходов, ведущий к снижению уровня жизни, и ускоренный рост цен на продовольствие явились причинами возрастающей динамики показателя абсолютной бедности в 2014-2016 гг.

Таким образом, показатели абсолютной и относительной бедности отражают разные социально-экономические процессы и по-разному интерпретируются: если абсолютная бедность связана с уровнем жизни, то относительная – с неравенством. Действительно, относительная бедность и неравенство определяются коэффициентами, жестко связанными с формой распределения, на процентилях которого они построены: коэффициент относительной бедности рассчитывается на основе 50-й прцентиля распределения по доходам – медианы, и он напрямую связан с коэффициентом неравенства – децильным коэффициентом, определяемым, как отношение численности 10% самых высокодоходных индивидов к численности 10% самых низкодоходных. Это означает, что изменение удельного веса группы, выделенной на основе медианы, происходит только по результатам неравномерного снижения или роста доходов в разных слоях населения, при изменении показателя неравенства [7, с. 61-63]. При этом динамика фактических доходов может быть разнонаправленной: она не оказывает прямого влияния на уровень относительной бедности. Это объясняет противоречивую динамику показателей абсолютной и относительной бедности в 2014-2018 гг.

В этой связи методика относительной бедности не может «просто» заменить принятую Росстатом абсолютную методику, так как обе концепции бедности отражают разные аспекты социально-экономической жизни и различаются трактовкой и интерпретацией. Замена абсолютной методики расчета бедности на относительную требует переосмысления и пересмотра установившегося традиционного понимания бедности, как невозможности обеспечить минимально достаточный уровень потребления, и перехода к пониманию бедности, как невозможности обеспечить установившиеся средние стандарты жизни.

Уровень относительной бедности, рассчитанный по порогу $0,5Me$, в 2018 г. составлял 15,6%. Вклад сельского населения в общую численность бедных достигал 52,2%, то есть значительно превышал долю сельского населения в общем населении страны (27,5%).

Раздельное применение данной методики расчета относительной бедности к распределениям городского и сельского населения подтверждает гораздо более значительное распространение относительной бедности (а не только абсолютной) в сельской местности по сравнению с городом – 16,0 против 13,6%. При этом само значение порога относительной бедности в селе было в 1,7 раза ниже, чем в городе (соответственно 6604 руб. и 11002 руб. на члена домохозяйства), что подчеркивает разрыв в уровне доходов и потребления между городом и селом. Таким образом, сельская бедность, независимо от методики ее исчисления, – абсолютная или относительная – оказывается более глубокой и охватывающей более широкие слои населения, чем городская.

Проведем далее сравнительный анализ бедности (малообеспеченности в терминологии Росстата) и высокообеспеченности в сельской местности. В рамках абсолютного подхода порог высокообеспеченности выбирается кратным нескольким величинам ПМ, что соответствует достаточно высокому уровню потребления [8; 9], но при этом он не имеет строгого статистического обоснования. При относительном подходе богатство формально связывается не с потреблением, а с достаточно высоким положением на шкале доходов. Оно может быть определено зеркально с порогом бедности – как $2 Me$. В этом случае удельные веса мало- и высокообеспеченных совпадут, и появится возможность сравнивать различные характеристики двух одинаковых по численности групп населения, находящихся на разных полюсах доход-

ности. Прежде всего сравним социально-демографические структуры обеих выделенных групп (табл. 2).

Таблица 2 – Структуры относительной малообеспеченности и относительной высокообеспеченности, % по отношению к общей численности сельского населения РФ, 2018 г.

Показатели	Малообеспеченные	Высокообеспеченные
Удельный вес	15,6	15,6
Распределение по возрасту:		
моложе трудоспособного	35,8	4,1
трудоспособного	54,5	61,5
старше трудоспособного	9,7	34,4
Распределение по экономической активности:		
работающие	31,5	87,5
неработающие	32,7	8,4
в т.ч. безработные	20,1	1,6
Распределение по размеру семьи:		
1 чел.	2,4	33,1
2 чел.	6,9	43,5
3 чел.	14,3	14,5
4 чел.	28,1	6,9
5 и св.	48,3	2,0
в среднем, чел. на семью	3,81	1,62

Рассчитано по: [3]

Очевидно, все выбранные признаки – возраст, экономическая активность и размер семьи – оказывают значимое влияние на статус обеспеченности сельского населения. В том числе наиболее сильное – признак размера семьи: коэффициент корреляции Пирсона для категориальных переменных равен 0,59 против 0,43 для признака экономической активности и 0,41 для признака возраста. То есть повышение риска бедности в сельской местности связано, прежде всего, с увеличением размера семьи, а не с потерей работы. Это означает, что наличие работы не обеспечивает среднего сельского занятого достаточно высоким заработком, дающим сколько-нибудь значительные гарантии от бедности. Работающее сельское население, традиционно занятое в сельском хозяйстве, имеющее ограниченные возможности развития малого предпринимательства и осваивающее низкооплачиваемые сектора городского рынка труда в режиме маятниковой трудовой миграции, имеет завышенный риск попадания в категорию бедных.

Анализируя другой полюс обеспеченности, отметим, что $\frac{3}{4}$ сельских жителей с высокими доходами живут в семьях из 1 или 2-х человек. Среди них непропорционально много пенсионеров по возрасту, а также, в меньшей степени, лиц трудоспособного возраста. Это подчеркивает важность наличия гарантированной пенсии для формирования благосостояния сельской семьи. В то же время очень высокий удельный вес работающих среди высокообеспеченного сельского населения (как, вероятно, и городского) говорит о том, что именно наличие высокооплачиваемой занятости (по найму или при ведении собственного бизнеса) имеет решающее значение для обеспечения высокого уровня благосостояния.

Данные, приведенные в таблице 3, показывают, что относительная высокодоходность сельских семей обеспечивается более высокими зарплатами, доходами от предпринимательской и дополнительной занятости, от самозанятости. Разница между среднедушевыми денежными доходами из этих источников у высоко- и малообеспеченных домохозяйств выше, чем разница между их совокупными среднедушевыми денежными доходами. При этом наибольшая разница – у предпринимательского дохода и дохода от самозанятости: соответственно 18,6 и 10,7 раза (против 7,8 раза у среднедушевого дохода). Однако именно высокая зарплата, а не предпринимательский доход, играет решающую роль в формировании высокого дохода. Ее удельный вес в среднедушевом доходе высокообеспеченных семей составляет 68,5% против 58,1% у малообеспеченных. Роль предпринимательской активности, как фор-

мальной, так и неформальной, также является важным фактором роста семейного благосостояния в сельской местности. В сумме предпринимательский доход и доход от самозанятости формируют 16-20% совокупного денежного дохода средней сельской высокообеспеченной семьи (против 8-9% малообеспеченной). Также среди высокообеспеченных в два раза больше семей, ведущих предпринимательскую деятельность (11,2% против 5,2%), и она замещает неофициальную самозанятость.

Таблица 3 – Структура дохода малообеспеченных и высокообеспеченных сельских домохозяйств РФ, 2018 г.

Показатели	Малообеспеченные	Высокообеспеченные
Среднедушевой денежный доход, руб. на члена домохозяйства в месяц	6990	54802
в т.ч.		
заработная плата на основной работе	4061	37517
пенсии	1426	7069
доход от самозанятости	426	4549
доход на дополнительной работе	119	1096
доход от предпринимательской деятельности	220	4087
доход от продаж продукции ЛПХ	168	384
Удельный вес сельских домохозяйств, имеющих:		
заработную плату на основной работе	73,4	89,3
пенсии	39,7	55,0
доход от самозанятости	18,8	13,6
доход на дополнительной работе	15,4	13,4
доход от предпринимательской деятельности	5,2	11,2
доход от продаж продукции ЛПХ	2,4	3,0

Рассчитано по: [3]

Заключение.

Относительный подход к исчислению бедности имеет преимущества перед абсолютным в простоте реализации и возможности более корректного сопоставления, в том числе в погодовой динамике. Наблюдаемое несовпадение динамики абсолютной и относительной бедности в России связано не только с различиями методик, но и является отражением различий в интерпретации.

Социально-демографические различия в структурах бедного и высокообеспеченного сельского населения свидетельствуют о том, что преодоление сельской бедности связано, прежде всего, с нахождением высокооплачиваемой работы (в селе или в городе) и, в меньшей степени, с предпринимательской активностью самих сельских семей. Неблагополучное положение в селе характеризуется повышенным риском попадания сельского населения в категорию бедных, более благополучным положением сельских пенсионеров по сравнению с работающим населением, уязвимым по отношению к бедности положением детей, резким повышением риска бедности при увеличении размера семьи.

Список литературы:

1. Пасовец Ю.М. Риски бедности в современных российских условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2015. - №2 (38). – С. 143-160.
2. Фролова Е.Б., Великанова Т.Б. Методика измерения относительной бедности // Уровень жизни населения регионов России. - 2012. - №10-11. – С. 89-98.
3. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах Росстата по итогам 2017 г. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2018/index.html (Дата обращения 15.04.2019).
4. Российский статистический ежегодник: Стат. сборник / Росстат. – М., 2014-2018.
5. Россия в цифрах: Стат. сб. / Росстат. 2019.

6. Popescu A., Dinu T.A., Stoian E. Changes, trends and relationships between average income and consumption expenditures per household in Romania in the period 2007-2017 // Scientific Papers Series “Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development“ Volume 19, Issue 2/2019 . P. 363-374 (№46)

7. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, меж-
страновые сравнения / Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.А. Аникин,
А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк; под ред. Н.Е. Тихоновой. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018.

8. Бобков В.Н. Бюджет прожиточного минимума или прожиточный минимум? // Уро-
вень жизни населения регионов России. - 2007. - №7. – С.5-16.

9. Степанова Т.Н. Бюджет высокого достатка // Уровень жизни населения регионов
России. - 2007. - №7. – С.42-55.